

МАЛЬЧИКИ

«Плачет,— вздохнул Ленька Комлев.— Каждый день только и знает, что плачет».

Учительница Капитолина Ивановна, прозванная ребятами Капушкой, стояла у окна, спиной к классу.

В четвертом «б» шел урок арифметики. Надо было самостоятельно решить задачу про встречные поезда. Ленька переписал условие и подал задачник Ване Серегину на заднюю парту, Ваня Серегин — эвакуированный из Ленинграда. Он жил у Комлевых, поэтому и задачник был на двоих.

Ленька быстро решил задачу, сначала на промокашке. Ему не терпелось узнать ответ. Он повернулся к Ване и по слогам, губами, начал показывать, что ему опять нужен задачник.

— Капитолина Ивановна, Комлев вертится! — послышалось с крайней парты.

Опять эта ябеда — Сонька! Чешется язык-то... Но Капушка даже не обернулась. Она глядела на морозную улицу. Все ребята знали, что она снова плачет, потому что недавно у нее убило на фронте мужа.

Ленька показал Соньке кулачишко, взял задачник и нашел ответ. «Сошлось! — у Леньки сразу стало веселей на душе.— Тютелька в тютельку». Он даже про Соньку забыл. Переписал решение с промокашки на чистовую, в тетрадь, и достал книжку про господина Чечевицына.

За окном школы то и дело грохали поезда. Очень хотелось есть, ноги под партой мерзли. Впереди еще было чтение и чистописание, но все равно у Леньки было отличное настроение. Он читал о том, как два гимназиста хотели бежать в Калифорнию, чтобы добывать золото и сражаться с индейцами. Девочки — сестры одного гимназиста, к которому приехал в гости Чечевкцын, подслушали у дверей их разговор. И не доказали об этом родителям, только самая маленькая сестренка сказала: «А у нас вчера чечевицу варили!»

В это время в класс, стуча клюшкой, вошел директор и что-то тихо сказал Капушке.

— Всем сидеть на своих местах! — приказала учительница и ушла вместе с директором. Ребята начали оглядываться и шепотом переговариваться.

«Уколы! — мигом пронеслось в стриженной Ленькиной голове.— Опять уколы!..»

Ох, ничего в жизни не было хуже этих уколов! Ленька заерзал, он сидел за партой один. Сложил в сумку хрестоматию и книжку про Чечевицына. Даже наконечник на ручку забыл надеть. Сейчас бы к дверям и айда в коридор, схватить в раздевалке фуфайку и на улицу.

Только все зря...

Пришла Капушка и встала у дверей сторожить. Она велела девочкам оставить сумки на местах и перейти в третий класс. Всех ребят из третьего уже загоняли сюда. Когда был сосчитан последний из третьешей, в класс шагнул директор, а за ним появилась медичка в белом халате. Она разложила на столе иглы и бутыл-

лочки. Капушка ушла сторожить девочек, а директор сел за стол и открыл классный журнал:

Ну, кто самый смелый?

Ребята молчали, кое-кто уже «продавал дрожжи» от страха и холода. Все знали, что первому хуже, медичка-то ведь и сама боится, колет больнее. Бывает, что даже игла лопается и осколок остается прямо в теле. Особенно ежели у кого кожа толстая.

— Значит, нет смелых? — кашлянул директор. — Придется вызывать по журналу...

Ленька держал сумку на изготовке, делая знаки Ване Серегину. Ежели жили вместе, то и бежать надо вместе. Но Ваня в оба глаза, испуганно глядел на директора.

— Что, Серегин? — сказал директор. — И ты боишься? Не знал, не знал, что и ты трус. А еще из Ленинграда эвакуирован...

Ваня после таких слов решительно скинул пиджачок, начал снимать рубашку и майку. Ленька увидел, как синеватая Ванина кожа покрылась пупырышками, даже чесотка стала почти незаметной. Ваня смело пошел к доске...

— Молодец! — похвалил директор, а Ленька с ужасом за товарища подумал: «Только бы не два кубика...» Теперь Ленька не знал, что и делать, то ли бежать, то ли раздеваться...

Медичка распечатала банку с противной сывороткой. Набрала в шприц этой мутной жидкости, чуть нажала, держа иглу торчком. «Воздух выдавливает!» — подумал Ленька. Он слышал, что если воздух попадет под кожу, то можно и умереть. Он старался не глядеть на Ваню, но глаза все равно глядели. Медичка намазала йодом под правой лопаткой Вани.

— Тише! Не дрожи! — сказала она и оттянула пальцами кожу. Казалось, Ленька тоже почувствовал пронзительную и страшную боль, которая обожгла сейчас Ваню Серегина. Спину Вани будто схватили щипцами и начали тянуть. Но Ваня даже не успел испугаться, медичка уже мазала укол йодом:

— Следующий!

Ребята с завистью глядели на одевающегося Ваню. И тут Ленька Комлев не выдержал напряжения. Он схватил сумку, пулей вылетел в коридор, сграбастал с вешалки фуфайку и выскочил на мороз.

Сербиянка, сербиянка,
Сербиянка модная,
Сербиянка, ешь картошку,
Не ходи голодная! —

пел Ленька, махая сумкой. Кто такая? Ленька не знал, что это за сербиянка.

Она представлялась ему медичкой, которая делает уколы. Эту частушку он услышал на базаре, где одна тетка каждый день продает картофельные пирожки. Были бы деньги, лопай пирожки каждый день. Конечно, есть и такие ребята, которые воруют, но зато их так и называют: шпана. Ленька шпаной не был и не будет. Лучше уж так, без этих тетких пирожков. Теперь-то еще ничего. Клава-сестра каждый день приносит хлебную пайку. А вот когда карточку у них вытаскивали, вот это было да!

Ленька оглянулся, школа осталась далеко. Он очутился у самой железнодорожной линии. А здорово он деру дал! От уколов-то...

Морозило крепко. Поселок весь заиндевел. Над вокзалом отпыхивался маневровый паровозик, клубился белый пар. Мглистое небо краснело с одной стороны. Душа Леньки слегка побаливала: теперь верняком к директору вызовут. Либо турнут на уколы одного, прямо в больницу. И чтобы заглушить тревогу, он опять спел про сербиянку. На стеклозавод, что ли, сбегать? Ленька подбежал к забору стеклозавода, подобрал из-под ног пустой спичечный коробок. Делать тут было нечего, Клаву и тетю Нину все равно не увидишь, работают до шести. Они выдувают из стекла толстые фляги, говорят, для красноармейцев и партизан. Ленька еще ни разу не видел, как это делается. Он остановился у проходной будки и заглянул в окно. В будке, видимо, было тепло, окошко совсем не замерзло. У окна на скамейке сидел сторож, он завернул в газетку кусок горбушки и спрятал в тулуп.

— Дяденька, дай хлебца!

Сторож поглядел, встал. Хлопнула дверь, и Ленька стремглав отскочил подалее. Сторож стоял в проходе, большой, в тулупе. «Не даст!» — решил Ленька. Но сторож неожиданно подозвал мальчика:

— Иди, иди сюда, пацан!

Ленька подошел. Сторож — это был старый морщинистый дядька — достал вдруг газетку, развернул, осторожно разломил горбушку и подал одну половину Леньке. Ленька, не веря глазам, взял и — бежать от радости.

— Спасибо, дяденька! — издали догадался крикнуть он. Но сторожа уже не было. Пока Ленька раздумывал о том, что надо бы половину принести домой и дать Ване, кусок был съеден. И вот, чтобы не мучила совесть, опять пришлось петь частушку.

Да, но куда сейчас? Ваня, наверное, уже дома. Потому что когда уколы, то всегда последних уроков не бывает. Его, наверно, уже ломает, Ленька знает, каково бывает к вечеру после уколов. Голова так разбалливается, что хуже нельзя. И знобит. Вот его, Леньку, не будет знобить и спина осталась целая.

Сербиянка, сербиянка...

Ленька подул в замерзшие кулаки, у него не было рукавиц. У железнодорожных пакгаузов сегодня ни одной подводы. Круглый конский помет замерз, стал как каменный. Ленька долго пинал один катыш, оступился и подошел к складу сельхозснаба. Склад стоял на столбах. Маленьким под него вполне можно подлезть, а Ленька знал, где имелась ломаная половица. Прошлый раз там прямо на землю насыпалось льняного жмыху — вот бы и сейчас! Ленька насобирает бы и принес Ване, затопили бы печку, нажарили бы. Нет, сперва бы подмели в комнате, вычистили бы ламповое стекло и зажгли лампу. Клава с тетей Ниной пришли бы с работы и не узнали квартиру: все так чисто, светло и тепло. А они с Ваней спрятались бы за сундук, а после — р-раз. И выскочили бы.

Ленька оглянулся. Нигде никого не было. Только прошумел новый состав и вдалеке стрелочница обметала и чистила от снега свою стрелку. Ленька, замирая

от страха, полез под склад. Ничего не было на земле, хоть бы одна крупинка! Ленька, ни о чем не думая, просунул руку в щель, около сломанной половицы. Там внутри он нащупал что-то твердое и вытащил: «Жмых!» Большая рубчатая плитка спрессованного льняного жмыха еле уместилась в сумку, пришлось вытащить хрестоматию и нести так, Ленька вылез из-под склада и припустил домой.

— Эх, Ванча, не мог убежать! — хлопотал он около своего друга. Ваня даже почернел за это время. Он сидел у холодной чугунной печи в пальто и в шапке. Сидел и дрожал, сидел и дрожал. Губы у него были совсем синие.

— Больно?

— Ихы,— кивнул Ваня.

— Надо бы физкультуру. Раскрутил бы руку-то в воздухе.

Ленька, конечно, понимал, что теперь легко советы давать. У самого-то ничего не болело и температуры не было. Зато болела душа, что-то будет завтра, когда придет в школу.

— П-п-после тебя еще два убежали,— еле выговорил Ваня. У Леньки отлегло от сердца. Значит, не один! И он принялся наводить порядок в хозяйстве.

— Сичас, сичас! Вот печку затопим, согреешься,— утешал Ленька.— Колобку нажарим, и знай книжку читай!

Ваня, стараясь улыбнуться, стучал зубами/

Сичас! — Ленька начерпал ковшиком из ведра воды в чайник.— Во морозище! И в ведре ледяшки...

Круглую чугунную печку утром топили, но она остыла. Двери, правда, были обиты коленкором с куделей, но открывались прямо на улицу. Разве дураку какому-нибудь не понятно, отчего такой холод в квартире!

Тетя Нина и Ваня жили в той комнате, Ленька с сестрой в этой. Но все равно ведь ход-то общий. Да и еду Клава готовила вместе с тетей Ниной. В комлевской комнате стоял сундук, стол и Клавкина кровать. Ленька спал на этом сундуке, правда, приставляли еще две табуретки. У Леньки с Клавой хоть сундук и кровать, а у тети Нины один чемодан. Тетя Нина спала вместе с Ваней на полу. Клавка дала им одеяло и матрас, набитый соломой. Они и так еле выехали из Ленинграда, ничего не успели взять. А что и успели, то давно променяли на картошку либо на гороховую муку. И вот теперь у тети Нины тоже ничего не было, уж кто-кто, а Ленька-то знал об этом. Были только одни новые красноармейские рукавицы с пальцем для спускового крючка. Эти рукавицы принес Ванин отец, когда они еще были в Ленинграде, а он воевал там на фронте. Зеленые, мягкие, с теплой байковой подкладкой. Ленька и Ваня, когда не было тети Нины, часто вытаскивали их из чемодана и надевали по очереди. На каждой из них на белой байковой подкладке имелась надпись химическим карандашом: Ник. Сер. Это отец Вани. Николай Серегин. Где вот он тоже? Был под Ленинградом на фронте, а Ваню с тетей Ниной срочно эвакуировали. Уж сколько раз тетя Нина подавала в розыски! И все пока бесполезно...

Ленька выгреб из-под поддувала золу, открыл трубу. На столе лежала рубчатая, в клетку, плитка льняного колоба. Ленька делал вид, что забыл про нее. Сам

же то и дело поглядывал на Ваню: доволен или нет? Но Ваня совсем разболелся.

— Ты подожди, не плачь,— попросил Ленька.— Ляг да и полежи! Печку натопим, знаешь, как тепло будет?

Но Ване было совсем плохо, он дрожал и не мог шевельнуть рукой. Ленька просто не знал, что и делать.

Над сундуком висел плакат, а на плакате был нарисован Гитлер с растопыренными ногами. Штаны галифе у него лопнули как раз на самой заднице. Ленька и Ваня частенько лучиной тыкали в это место. Подпись на плакате они помнили наизусть.

Гитлер выдумал задачу,
Взять Москву с Баку в придачу.
«Вот я ноги раскорячу,
Уж тогда не быть греху!»
У вояки-раскоряки
Разорвались швы в паху.

«Вот затопим печку, опять потыкаем»,— решил про себя Ленька и уже приготовил спичечный гребешок. Теперь все спички делались гребешками, из тонких дощечек.

— Эх, топить-то и нечем! — сказал вдруг ошарашенный Ленька.

Корзина из-под угля была пустая. Да и дровец имелось на одну растопку.

Ленька не однажды добывал уголь, то с Клавкой, то с Ваней. На подъеме, за станицей составы шли тихо, он хватался за подножку, залезал наверх и скидывал куски антрацита. Внизу Клавка либо Ваня подбирали куски, складывали на санки, а Ленька спрыгивал, пока поезд не набирал ходу. Дома кололи эти куски обухом и топили, угля хватало чуть ли не на неделю.

Сейчас Ленька подрастерялся, но ненадолго...

Санки у них были свои, большие, с драночными бортами.

Вот только без рукавиц-то как? Знал Ленька, какво без рукавиц хвататься за примороженное железо: всю кожу на скобах оставишь. Нет, в такой мороз нечего и думать без рукавиц...

Ленька поглядел на Ваню, которого трясло сейчас еще больше. Что, дескать, делать будем? Не замерзать же тут заживо, пока не придут с работы сестра и мать. А если они и придут, то все равно топить-то ведь нечем.

— Эх, были бы рукавицы...— сказал Ленька и сел расстроенный. И вдруг Ваня пошел в ту комнату и открыл чемодан...

— Я не замараю! — утешал его Ленька.— Вот посмотришь, нисколечко не замараю! Сиди и жди пока. Поездов знаешь сколько? Раз и туда! Раз и обратно! Двупалые красноармейские перчатки, совсем еще новенькие, были для Леньки великоваты. Но это уж ничего не сделаешь.

Он схватил санки и вытащил их на улицу. В дверь дохнуло новым морозом. Ваня присел спиной к холодной чугунной печке и стараясь унять озноб начал ждать.

За переездом Ленька перевел дух. Надо было катиться еще дальше, туда, где начинался подъем. Там тяжелые составы шли и совсем медленно. Можно было

легко сцапать подножку и залезть на площадку. Ленька покатился дальше. Вот и граница станции. Но Леньке надо еще дальше, чтобы наскидывать угля да еще успеть и самому спрыгнуть, пока поезд не набрал ходу. Конечно, у вокзала машинист тоже сбавляет ход и можно бы спрыгивать, но там как раз попадешься. Потому что на виду у всего вокзала. Нет, заходить надо еще дальше. Вот и большой деревянный щит с надписью: «Закрой поддувало!» Это для машиниста. Ленька не знал, для чего надо закрывать поддувало. Но уж очень нравилась ему такая надпись. В классе, когда Сонька-ябеда открывала рот, чтоб пожаловаться Капушке, Ленька частенько говорил: «Закрой поддувало!» Конечно, Сонька есть Сонька. Чего с нее спрашивать, если она с первого класса такая ябеда?

Он оставил санки у щита и побежал еще дальше, чтобы сковырнуть первую глыбку поближе к санкам. Отбежал еще и стал ждать. Все-таки хорошо рукам в рукавицах! Вот только когда хвататься за подножку, то надо обязательно без рукавиц, чтобы уж схватиться так схватиться. Ленька снял рукавицы, сунул их под фуфайку. Такой сразу пузатый стал, и самому смешно. Что это долго нет поезда? Вот всегда так. Когда не надо, так идут друг за дружкой, а когда надо — ни одного.

Ленька приплясывал на снегу. Мороз под вечер стал еще крепче, красная заря пробивалась сквозь холодную небесную мглу. Уши прищипывало, пришлось развернуть кубанку и нахлобучить. Прогрохотал от станции длинный порожний состав, но этот был Леньке не нужен. Этот шел на Воркуту, а Ленька ждал с Воркуты и груженный. Груженный-то он совсем тихо идет, особенно на подъеме. Ленька напряженно глядел на дальний лес, куда уходили столбы с проводами.

«Как провалился! — вслух ругался Ленька. — Того и гляди, уши отвалятся!» А каково Ване-то там? Ленька опять представил, как он привезет полные санки угля и как жарко натопят они с Ваней печку. Они еще успеют натопить, успеют и подмести, и вычистить ламповое стекло. Можно еще и книжку почитать про этого Чечевицына, а тут и тетя Нина с Клавой придут. Даже не узнают обе! Как в квартире по-новому...

Поезд появился вдали как-то совсем неожиданно.

Серый густой дым валит из двух труб, значит, состав тащили два паровоза. Ветер дул с той стороны. Ленька слышал веселый гудок, отошел от рельсы метра на полтора. Приготовился. Он любил смотреть на поезда. Но сейчас он весь сжался от волнения и холода: «Уцепиться бы! Самое главное — на подножку залезть, а там дело легче пойдет. Вот только который будет вагон с углем? Составы-то всегда сборные, один вагон с лесом, другой с другим каким-нибудь грузом. Простой раз даже какие-то пушки везли. И охранник в тулупе стоял. Только бы охранник не заметил, вот что!» Ленька весь напрягся.

Паровоз «Серго Орджоникидзе», с темно-красной звездой на лбу, тяжело пыхтя и сопя, приближался к Леньке. Вот он обдал мальчишку грозным шумом, окатил холодным паром, дохнул запахом дыма и горелого масла. Тут же это все повторил второй. И грохот состава заглушил то, что крикнул из окошечка чумазый веселый помощник...

«СЖД. Тормоз Матросова» — мелькнуло в глазах Леньки. Подножка, другая. Еще вагон, еще, эти совсем без подножек, не уцепишься. Вот! Надо на этот... Раз,

два... Раз! Ленька забыл про все на земле и прыгнул, хватаясь за железяку. Повезло, только колено немножко расшиб, заживет, шут с ним. Теперь скорее только... Он огляделся на площадке, заметил колесо ручного тормоза, скобы, ведущие вверх. Быстро надеть рукавицы и вверх. Ура, вагон с верхом полон угля! Ленька подобрался ближе к краю. Сковырнул первый большой кусок, потом сбросил поменьше, сбросил еще, побольше. Ветер хлестал наверху плотнее, обжигал Леньке лицо. Вагон грохотал и качался. Но Ленька не замечал ничего. Вот еще этот, да этот! Тот вон еще — и хватит! Этот последний, все равно больше не увезти. Эх, нагоним дома жары! И Ваня сразу поправится. А Клавка, Клавка-то довольная будет... Все! Хватит... Теперь опять слезть на площадку и в снег. Хотя как попало, лишь бы спрыгнуть.

Сербиянка, сербиянка...

Ленька распрямился — и ближе к скобам. Скорей! Вот-вот станция. Состав грохотал, вокруг шумел ветренный холод. Вагон мотался и вздрагивал. Ленька быстро лег на брюхо, спустил ноги через край вагона. Валенком нащупал железную скобу. Всё! Спуститься-то теперь да прыгнуть в снег долго ли?.. Лейтенант, сопровождавший важный военный груз, не слышал выстрелов. В одной гимнастерке он вышел из тамбура-тепняка, подъезжали к большой станции. Откинувшись на подножке, он поглядел вдоль состава и бросился вверх к смотровой будке:

— Ты что, ослеп?! Под трибунал захотел? — он тряс за плечо краснолицего от холодного ветра бойца. Тот подправил под шапкой вязаный шерстяной башлык, передернул затвор винтовки:

— Ах, гад! Ну, зараза такая...

— Убежал? — лейтенант опять схватил его за плечо.

— Да нет же, товарищ лейтенант! Два раза стрелял, не должен.

— Ну, гляди!! Не миновать нам с тобой штрафной роты!

— Да видел я, товарищ лейтенант, как он в снег сунулся. Ах, зараза такая!.. А я смотрю, лезет... Надо же, пронюхали!

На станции поезд замедлил ход. Лейтенант спрыгнул на снег, побежал к дальнему вагону и лихорадочно осмотрел площадку. Он догнал вагон с тепляком, запрыгнул, пара медалей звякнула на гимнастерке.

— Тебя как звать, Серегин? Закуривай!

— Николай, — хрипло сказал боец, беря папиросу. — Ленинградский родом. Ну, зараза. А я, понимаешь, смотрю, он лезет... диверсант-то...

— А я из-под Киева! — лейтенант разглядывал рукавицу. — Никсер какой-то. Вишь гад, рукавица новая, фамиль немецкая.

Боец, непривычный к папиросам, глухо закашлял.

— Эй, кто тут? Отдать кому следует! — лейтенант бросил рукавицу человеку в полушубке, стоявшему на перроне. — Разберитесь! Да запишите: шестьсот восьмой километр, стрелял рядовой Серегин!

Он выгнулся и крикнул в сторону паровозов:

— Какого черта? Живо! Поехали...

Но помощник машиниста уже подхватил обруч с жезлом. Состав тяжело и медленно набирал новую скорость. Сквозь желтый, удушливо-сладковатый дым

краснела заря, а там, на 608-м километре, перепуганный Ленька выкарабкался из-под снега и тряс, грозил в сторону уходящего поезда голым крохотным кулачишком.